

European
University
Institute

ROBERT
SCHUMAN
CENTRE FOR
ADVANCED
STUDIES

КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции

Финансируется совместно с Европейским Союзом

Иммигранты в Азербайджане: Современное состояние и перспективы политики (ре)интеграции

Сергей Румянцев

Научно-исследовательский отчет 2012/42

© 2012. Все права защищены.
Ни одна из частей данного документа не может быть распространена, цитирована или воспроизведена в какой либо форме без разрешения проекта Карим Восток.

КАРИМ-Восток
**Создание исследовательского центра по миграционным процессам и
миграционной политике на востоке Европы**

Научно-исследовательский отчет
КАРИМ-Восток RR 2012/42

**Иммигранты в Азербайджане:
Современное состояние и перспективы
политики (ре)интеграции**

Сергей Румянцев

© 2012, Европейский университетский институт
Исследовательский центр имени Робера Шумана

Этот текст можно скачивать только для личных исследовательских целей. Любое дополнительное воспроизведение с другими целями, в печатном или электронном виде, требует согласия Исследовательского центра имени Робера Шумана.
Запросы следует отправлять по адресу carim.east@eui.eu

При упоминании и цитировании ссылка оформляется следующим образом:

Сергей Румянцев, Иммигранты в Азербайджане: Современное состояние и перспективы политики (ре)интеграции, CARIM-East RR 2012/42, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012.

**ВЗГЛЯДЫ, ВЫРАЖЕННЫЕ В ЭТОМ ИЗДАНИИ, НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
НЕ МОГУТ РАССМАТРИВАТЬСЯ
КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Европейский университетский институт
Badia Fiesolana
I – 50014 San Domenico di Fiesole (FI)
Италия

<http://www.eui.eu/RSCAS/Publications/>
<http://www.carim-east.eu/publications/>
<http://cadmus.eui.eu>

КАРИМ-Восток – Создание исследовательского центра по миграционным процессам и миграционной политике на востоке Европы

Проект частично финансируется Европейским союзом и является первым исследовательским центром по миграционным процессам и миграционной политике. Исследования сосредоточены на восточных соседях Европейского союза и охватывают все страны «Восточного партнерства» (Беларусь, Украина, Республика Молдова, Грузия, Армения и Азербайджан), а также Российскую Федерацию.

Две основные темы проекта:

- (1) миграция из данного региона в Европейский союз (ЕС) с акцентом на странах эмиграции и транзита на восточной границе ЕС;
- (2) региональная миграция на постсоветском пространстве.

Проект был запущен 1 апреля 2011 года по совместной инициативе Европейского университетского института (ЕУИ), Флоренция, Италия (ведущее учреждение), и Центра миграционных исследований (ЦМИ) Варшавского университета, Польша (учреждение-партнер).

Исследователи КАРИМ-Восток проводят комплексный и ориентированный на выработку политики анализ широкого спектра вопросов, связанных с мобильностью людей и основными тенденциями на рынке труда к востоку от ЕС. Они также изучают возможное воздействие этих тенденций на динамично развивающееся социально-экономическое пространство шести восточных партнеров ЕС, России и Европейского союза.

В частности, КАРИМ-Восток:

- создает широкую сеть национальных экспертов из региона, которые представляют все основные дисциплины, изучающие миграцию, трудовую мобильность и вопросы национального развития (демография, право, экономика, социология, политология).
- формирует всеобъемлющую базу данных для мониторинга масштабов миграции в регионе (как потоков, так и контингентов), соответствующих законодательных изменений и государственных политических инициатив;
- совместно с экспертами из региона, проводит систематические и специальные исследования новых миграционных вопросов на региональном и национальном уровнях;
- предоставляет ученым из региона возможность принимать участие в семинарах, проводимых ЕУИ и ЦМИ, а также возможность участвовать в программах академического обмена для аспирантов;
- предоставляет площадки, на которых национальные и международные эксперты могут взаимодействовать с политиками и чиновниками, а также с другими заинтересованными лицами из упомянутых стран.

Ознакомиться с результатами деятельности проекта можно на его вебсайте: <http://www.carim-east.eu/>

За дополнительной информацией обращайтесь:

CARIM-East

Robert Schuman Centre for Advanced Studies (EUI)

Convento

Via delle Fontanelle 19

50014 San Domenico di Fiesole

Italy

Тел.: +39 055 46 85 817

Факс: + 39 055 46 85 770

Email: carim.east@eui.eu

Исследовательский центр имени Робера Шумана

<http://www.eui.eu/RSCAS/>

*“Our identity is at once plural and partial.
Sometimes we feel that we straddle two cultures;
At other times, that we fall between two stools”*

Salman Rushdie¹

Резюме

Проблемы иммигрантов в постсоветском Азербайджане в контексте процессов их интеграции в принимающее сообщество не были до сих пор в центре внимания исследователей. Предпринимая попытку анализа имеет смысл выделить три группы иммигрантов: 1) выходцы из Азербайджана (реэмигранты) и члены их семей; 2) этнические азербайджанцы из Грузии; 3) трудовые иммигранты из разных стран (ЕС, Турция, Индия, Пакистан и др.), прибывающие в страну с целью поиска работы или организации собственного дела. Условное выделение данных трех групп позволяет описать доминирующие тенденции в исследуемой области.

Анализ, предлагаемый в статье, в основном основан на серии биографических интервью с иммигрантами из всех трех условно выделенных групп.

Основной исследовательский вопрос следует, по мнению автора, формулировать следующим образом: каковы социальные ресурсы и практики, которые используют иммигранты в Азербайджане в целях интеграции в принимающее сообщество, в контексте отсутствия какой-либо целенаправленной государственной интеграционной политики.

Автор приходит к выводу, что основным ресурсом является личный социальный капитал каждого иммигранта. Т. е. его устойчивое членство в сетях, конструируемых на основе родственных, дружеских и/или земляческих связей. Эти сети носят транснациональный характер. Иммигранты конструируют и интегрируются в такого рода транснациональные сети. А также в транснациональные пространства столицы Азербайджана (Баку), где абсолютное большинство из них постоянно проживает после переезда в республику. Автор утверждает, что в нынешних условиях любая возможная государственная программа и/или политика интеграции иммигрантов не сможет заменить собой эти транснациональные сети и пространства. Конструирование таких сетей и пространств, наряду с личным социальным капиталом каждого иммигранта, и впредь будет определять специфику практик интеграции иммигрантов в Азербайджане. Эти выводы следует рассматривать в контексте ситуации расширения и усиления конетроля за иммигрантами со стороны ряда государственных служб. И, в первую очередь, Государственной Миграционной Службы Азербайджанской Республики (создана в 2007 году). Однако, усиление контроля не предполагает реализацию каких-либо интеграционных программ. Но несмотря на то, что поток иммигрантов не является значительным, реализация определенных программ может способствовать улучшению положения иммигрантов и повышению качества контроля за их деятельностью в стране. Так, для первой группы (и особенно для членов семей), а также для некоторых иммигрантов из третьей группы имеет смысл организовывать языковые курсы. Для второй группы облегчить процесс получения гражданства Азербайджанской Республики.

¹ Imaginary Homelands. Essays and Criticism 1981-1991. London: Granta Books, p. 15. Русский перевод: “Наша идентичность одновременно смешанная и неполная. Иногда мы чувствуем, что сидим сразу в двух культурах; В другие моменты, что мы падаем между двумя стульями” (перевод автора).

Введение

В 1989-1990 годах Азербайджан становится страной донором эмиграции. Уже более двух десятков лет численность эмигрантов из страны² значительно превышает численность иммигрантов, прибывающих в Азербайджан. Но, вместе с тем, в постсоветский период в страну на постоянное место жительства переехали сотни тысяч людей. По официальной версии пик как эмиграции, так и иммиграции пришелся на три года распада СССР (1990-1992). В целом же в период с 1990 по 2007 годы в страну, по версии Госкомстата Азербайджана, приехали на постоянное место жительства 260 тысяч человек. С 2008 года, если судить по той же официальной версии, Азербайджан уже не является страной донором эмиграции. За три года (2008-2010) страну покинули только 4 700 человек, и приехали на постоянное место жительства (ПМЖ) – 8 100 человек³.

Абсолютное большинство как прибывших в Азербайджан, так и покинувших страну были гражданами республик, входящих в СНГ. Так, в числе приехавших в страну в 2008 году 2.781 тыс. чел. и в 2009 году 2.155 тыс. чел. были гражданами Содружества; и только 816 чел. в 2008 и 137 чел. в 2009-м переехали в Азербайджан из других стран. В их числе практически нет иммигрантов из развитых стран. Так, из США в Азербайджан за эти же два года переехали только 10 человек, а из Германии – 9⁴. Большинство прибывших в страну на ПМЖ это бывшие граждане Азербайджана, решившие по разным причинам вернуться в страну исхода. Значительную группу составляют также и этнические азербайджанцы, граждане третьих стран, решившие перебраться на постоянное место жительства в Азербайджан. Большинство таких азербайджанцев приезжает из соседней Грузии.

Если попытаться в самых общих чертах описать доминирующие тенденции в среде иммигрантов, то можно условно выделить три наиболее многочисленные группы:

1. В страну чаще всего переезжают этнические азербайджанцы⁵, а также представители ряда этнических групп, компактно проживающих в стране (талыши, лезгины, аварцы и

² По очень разным причинам (конфликты, трудовая миграция и пр.) покидавшим Азербайджан (см, например: Гусейнова 2009; Сеидбейли 2009; Huseynova 2011).

³ По официальным данным, которые вызывают серьезные сомнения в своей достоверности, в период с 1990 по 2007 гг. нетто миграции оставалось отрицательным и составило 183.3 тыс. чел. Начиная с 2008 года, официальная статистика стала фиксировать положительное нетто миграции. Но в период с 2008 по 2010 гг. положительное нетто составило только 3.4 тыс. чел. Downloaded from: The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. International Migration, 2010. <http://www.azstat.org/statinfo/demographic/en/index.shtml#>, on 31 May 2012.

Сколько-нибудь точными данными по трудовой эмиграции мы не располагаем. По разным оценкам, численность трудовых мигрантов может варьироваться в размере от 500-600 тыс. до 1.3 миллионов человек. См: Интервью президента Азербайджана Ильхама Алиева радио «Эхо Москвы», <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/48358/>, on 26 March 2012; (Migration in the Republic of Azerbaijan 2008, p. 17); (World Bank Migration and Remittances Factbook 2011, p. 25).

⁴ The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Breakdown of persons arriving and departing to Azerbaijan from foreign countries for permanent residency, 2009. Downloaded from: <http://www.azstat.org/statinfo/demographic/en/051.shtml#s1>, on 30 September 2011.

⁵ Вслед за Бенедиктом Андерсоном я рассматриваю национальные сообщества, как «воображаемые» (Andersen 1998, pp. 5-7). Категорию «этническая группа», особенно применительно к иммигрантам, в среде которых культурные границы часто сильно размыты, семья этнически смешанные и пр., я рассматриваю как условные. В целом же, я разделяю критику группизма (*groupism*), развиваемую Роджерсом Брубейкером. По его мнению: «когда мы говорим об этничности <...> мы почти автоматически начинаем говорить об этнических группах. <...> [Но] Этничность <...> должна быть концептуализирована не в качестве субстанций или вещей, или сущностей, или организмов <...> но в более относительных, процессуальных, динамичных, событийных и детализированных терминах. <...> Что предполагает размышления об *этнизации* <...> как политическом, социальном, культурном и психологическом процессах. И это также предполагает, что в качестве базовой категории берется не 'группа',

др.)⁶. Здесь речь идет о выходцах из Азербайджана, длительное время проживавших в других республиках СССР (в основном в России, и, в меньшей степени, в Украине). Многие из них проходили обучение в высших учебных заведениях России и Украины, и после получения дипломов, оставались жить и работать в этих республиках. Нередко такие выходцы из Азербайджана создавали этнически смешанные семьи. Распад СССР подтолкнул многих из них к возвращению в Азербайджан. С ними вместе переехали и их семьи. Жены и дети, прежде посещавшие Азербайджан только в период отпусков и школьных каникул⁷.

2. Вторая группа – это этнические азербайджанцы, в основном выходцы из Грузии, где они компактно проживают на границе с Азербайджаном. По разным причинам (которые я буду ниже обсуждать) многие из них пытаются переехать в Азербайджан.
3. Третья группа включает трудовых иммигрантов из разных стран (Турция, Индия, Пакистан и др.), прибывающих в страну с целью поиска работы или организации собственного дела. Часть таких иммигрантов первоначально прибывают в страну для получения высшего образования (в первую очередь мигранты из Турции), а затем остаются работать, создают в Азербайджане семьи.

Далее я попытаюсь обозначить специфику интеграционных процессов в Азербайджане, а также те пространства, ресурсы и практики, к которым имеют преимущественный доступ иммигранты, и которые они используют для интеграции. Предложу описание методов сбора полевых материалов. Наконец, ограниченный рамками статьи, я сосредоточусь на анализе положения иммигрантов из трех условно выделенных мною групп, рассматривая их как наиболее значительные. При этом следует подчеркнуть, что выделение данных трех групп является в большой степени условным. Многообразие же состава, причин, целей и намерений иммигрантов, прибывающих в Азербайджан, является гораздо более вариативным⁸.

Основной исследовательский вопрос, на который я попытаюсь ответить в данной статье, можно сформулировать следующим образом: каковы социальные ресурсы и практики, которые используют иммигранты в Азербайджане в целях интеграции в принимающее сообщество, в ситуации отсутствия какой-либо целенаправленной государственной интеграционной политики.

К политике реинтеграции и интеграции иммигрантов

В ситуации с выделенными тремя группами значение приобретают очень разные аспекты, которые могут рассматриваться в контексте вопросов интеграции. Впрочем, прежде всего, следует задаться вопросом, насколько проблема интеграции иммигрантов может быть актуальна в случае с ситуацией в Азербайджане? Само обсуждение различных моделей политик и практик ‘интеграций’, принятых в странах ЕС (см, например: Heckmann & Schnapper, eds., 2003), применительно к Азербайджану, на мой взгляд, мало конструктивно. Азербайджан никогда не сталкивался с таким массовым потоком иммигрантов, как многие европейские страны. Вопросы формирования разного рода политик и практик интеграции, (мультикультурализма, инкорпорирования, аккультурации или ассимиляции) каких-то больших

(Contd.) _____

как сущностная категория, но *группизм* как контекстуально изменчивая концептуальная переменная» (Brubaker 2002, pp. 165-168).

⁶ См, например: Мусабеков 2009.

⁷ Здесь я не упоминаю о реэмиграции этнических русских или евреев, которую можно наблюдать в 2000-е годы. Численность таких иммигрантов незначительная.

⁸ За рамками анализа я оставляю и проблему беженцев, вопрос интеграции которых представляет собой отдельную исследовательскую тему.

групп мигрантов в принимающее сообщество никогда не были актуальными⁹. Подчеркну, что большинство тех, кто переехал в Азербайджан на постоянное место жительства являются этническими азербайджанцами, длительное время проживавшими в других республиках СССР.

В контексте советской национальной политики (Slezkine 1996; Brubaker 1997; Suny 2012), все они считались членами единой этнонации азербайджанцев¹⁰. Т. е. доминирующей (или, по советской версии «титупьной») этнической группы в Азербайджане. Принятые при советской власти представления об этничности/ нации «успешно» пережили распад СССР (Румянцев 2011). И теперь, статус гражданина в значительной степени определяется его биологической (наследуемой по крови и/ генам) этничностью (Brubaker 2000, pp. 27-28; Малахов 2007, с. 50). Таким образом, большинство таких мигрантов не только получали гражданство по праву рождения на территории Азербайджана, но и вливались в ряды доминирующей группы («титупьной нации»).

И все же для многих вернувшихся на родину мигрантов (отнесенных к первой группе), прошедших период *вторичной социализации* (Бергер П. & Лукман Т. 1995, с. 224-238) за пределами Азербайджана, повторная (ре)интеграция часто бывала сопряжена с определенными трудностями (разница в принятых в период *вторичной социализации* норм, правил и стереотипов поведения и пр.). Как указывает Андерс Стефанссон: «Из-за несоответствия между воображаемым и реальным опытом возвращения на родину, прибытие домой может стать более трудным и эмоционально дестабилизирующим, чем отъезд и поселение в новой части мира» (Stefansson 2004, p. 8). Стефанссон говорит о представителях различных диаспор. Но, несмотря на то, что мигранты, о которых рассказывается в данной статье, меняли место жительства в пространстве единого СССР, разница повседневных стилей жизни и стереотипов поведения в разных советских республиках могла быть очень существенной. Кроме того, для многих возвращение на родину совпадало с одновременным попаданием в пространство этнополитических конфликтов, экономического бедствия и т. п.

Впрочем, в числе иммигрантов были и те, кто нуждался в интеграции. Если под интеграцией понимать не гражданство, а владение государственным языком, знание определенных культурных норм и правил, распространенных в повседневной жизни; трудности трудоустройства. Такими нуждающимися в интеграции иммигрантами, являются те, кого следует отнести к первой, выделенной группе. Т. е. члены смешанных семей, до иммиграции подолгу в Азербайджане никогда не проживавшие. В основном это женщины, вступившие в брак с выходцами из Азербайджана, а также дети в таких этнически смешанных семьях. Проблема гражданства для таких иммигрантов не является актуальной. Так как один из членов семьи (как правило, мужчина), являлся гарантом быстрого получения гражданства по праву рождения и пр.

Специальной государственной политики, подразумевавшей (ре)интеграцию членов семей таких иммигрантов, в Азербайджане не существует. Возможно по двум причинам. Во-первых, численность таких иммигрантов никогда не была значительной. Во-вторых, необходимый ресурс для (ре)интеграции (в том числе языковой и культурной) они находили в собственном социальном капитале (Бурдые 2005), т. е. в членстве в устойчивых сетях и/ или группах, конструируемых по принципу родственных и земляческих связей. Для женщин, при этом, границы активной жизни часто (но не обязательно) ограничиваются рамками только семейных обязанностей. Дети в таких семьях часто проходили *первичную социализацию* («наиболее важную для индивида», подробнее см: Бергер П. & Лукман Т. 1995, с. 211-223) за пределами

⁹ Как в случае, например, с США, Великобританией, Францией, Германией, Голландией и другими странами, привлекающими многочисленных мигрантов (см: Crowley 1999; Entzinger 2003; Brubaker 2003).

¹⁰ Или, как часто обозначают данное воображаемое сообщество в постсоветский период – азербайджанских тюрок.

Азербайджана, и часто стремятся, по достижении совершеннолетия и/ или приобретения образования уехать из Азербайджана¹¹.

Если рассматривать проблему интеграции, как вопрос приобретения гражданства, то эта проблема является более актуальной для, так называемых, грузинских азербайджанцев. Их численность неизвестна. По мнению экспертов, речь может идти о 20-30 тысячах человек, или несколько большем числе. Перед ними не стоит проблема владения государственным языком. Азербайджанцы в Грузии живут, в основном, в сельской местности, и, очень часто, владеют только азербайджанским языком¹². Не возникает необходимости и в каком-либо дополнительном усваивании культурных норм и стереотипов поведения. Чаще всего проблемой становится отсутствие постоянной работы и/ или какой-либо собственности (квартира, дом и пр.), где они могли бы постоянно проживать. В этом случае возникает серьезное препятствие для получения постоянной регистрации по месту жительства. Данное обстоятельство, соответственно, затрудняет и возможность приобретения гражданства, так как для его получения необходимо прожить в Азербайджане до пяти лет¹³. Однако, и в случае с грузинскими азербайджанцами социальный капитал, которым они обладают (членство в устойчивых и разветвленных родственных и земляческих сетях и группах и пр.) также существенно облегчает процесс интеграции.

Численность иммигрантов, включенных в третью группу, невелика. По мнению экспертов, речь может идти о 20-30 тысячах человек (или несколько большем количестве). Абсолютное большинство из них не высказывает намерения навсегда переехать в Азербайджан. Не стремятся к получению азербайджанского гражданства. В случае со второй, и, особенно с третьей группами, можно считать справедливой критику подхода, при котором гражданство считается необходимым условием полноценного членства в принимающем сообществе (см: Soysal 1994, pp. 163-167). Разветвленные транснациональные земляческие, родственные и бизнес связи, разного рода социальные сети, которые конструируют иммигранты, позволяют им успешно интегрироваться и в Азербайджане.

Конечно, в этом случае не имеет смысла говорить об интеграции в политическое воображаемое сообщество. Такие иммигранты интегрируются в принимающие земляческие и др. рода социальные сети, а также в транснациональные городские пространства. При этом, не стремясь к получению политических прав. Если же под интеграцией понимать гражданское и политическое членство в принимающем сообществе (право участия в выборах парламента или президента и пр., т. е. в управлении страной), социальные гарантии, то не только иммигранты в

¹¹Как справедливо отмечают Бергер и Лукман: «Социализация никогда не бывает полностью успешной. И некоторые «населяют» универсум, который нужно передать последующим поколениям, более определенно, чем другие» (Там же, с. 172). Родители (реиммигранты), дети которых прошли первичную социализацию в России или в Украине, часто «населяют» универсум *менее определенно*. Нередко (вольно или невольно) они поддерживают некоторую степень ностальгии по стране, в которой проходили вторичную социализацию, и у детей. Определенное влияние оказывают, естественно, и матери, не проживавшие прежде в Азербайджане.

¹²В их среде распространено владение русским, а также (в меньшей степени) грузинским языками.

¹³ Вопрос предоставления грузинским азербайджанцам привилегированного права на приобретение азербайджанского гражданства, как членам единой этнонации азербайджанцев часто обсуждается на страницах газет (особенно оппозиционных), а также в Парламенте. Но до сих пор такие права им предоставлены не были. Несмотря на риторику популистского национализма, популярную как у представителей власти, так и у политической оппозиции, правящий режим не склонен поддерживать массовое переселение грузинских азербайджанцев в Азербайджан. См: Заседание Третьего Созыва Внеочередной IX Сессии Милли Меджлиса АР. Протокол № 88, 24 июня 2008 года. Заседание под председательством первого заместителя спикера парламента З. Аскерова, Downloaded from <http://www.meclis.gov.az/?/az/stenoqram/148>, on 30 March 2012; Заседание третьего созыва внеочередной XII сессии ММ АР. Протокол № 119. 30 июня 2009 г. Под председательством спикера парламента О. Асадова. Подробнее см: Downloaded from <http://www.meclis.gov.az/?/az/stenoqram/180>, on 30 March 2012; Азербайджанцы в Грузии подвергаются дискриминации – Депутат, Downloaded from <http://www.georgiatimes.info/news/54920.html>, on 30 March 2012.

Азербайджане, но и подавляющая часть населения страны может рассматриваться как не интегрированная¹⁴.

Баку: Транснациональные пространства в столице

Два важных аспекта можно обозначить как общие для всех трех выделенных групп иммигрантов. **Первым** из важнейших аспектов, который позволит нам понять специфику процессов (ре)интеграции состоит в том, что абсолютное большинство иммигрантов из всех трех групп селились в Баку. Независимо от того, в каком регионе до отъезда проживали те из них, кто являются выходцами из Азербайджана. Этому обстоятельству не следует удивляться. По некоторым экспертным оценкам в Бакинской агломерации сосредоточены предприятия, вырабатывающие до 90% ВВП республики (Тагиев и др. 2007, с. 3). Вблизи столицы республики находятся все крупные месторождения нефти и газа, добыча которых составляет основу экономики страны. Привлекательность столицы для иммигрантов (и особенно из первой группы) связана также и с тем, что в Баку сосредоточены все политические и бюрократические институты управления страной; столица является также главным культурным и образовательным центром страны¹⁵.

Второй аспект состоит в том, что Баку, являясь теперь уже столицей независимого национального государства, становится урбанистическим центром, в котором после распада СССР формируется множество транснациональных пространств. Под такими пространствами можно понимать «относительно стабильные, устойчивые и частые наборы связей, устанавливаемые поверх границ суверенных государств и пересекающие их. Они заключаются в комбинациях связей и их содержании, местоположении в сетях и организациях, а также в организационных сетях, которые пересекают границы, по меньшей мере, двух национальных государств» (Faist 2004, pp. 3-4).

Иммигранты часто стремятся к поддержанию таких связей и конструированию транснациональных пространств, используя ресурс, который дает им возможность устанавливать интенсивные контакты между принимающим сообществом и страной исхода. Нина Глик Шиллер предлагает обозначать такой иммигрантский опыт термином *транснационализм* ('transnationalism'). В контексте этого опыта, представляется возможным акцентировать внимание на возникновении «социального процесса, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географические, культурные и политические границы». При этом говорить уже следует о трансмигрантах, развивающих и поддерживающих «множественные отношения, пересекающие границы – семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические» (Schiller, et. al., 1992, p. ix). В контексте такого подхода, процесс инкорпорации иммигранта понимается, как проходящая одновременно на локальном, национальном и глобальном уровнях. Глик Шиллер предлагает фокусироваться на самом процессе и социальных отношениях, а не на «культуре, идентичности, или 'функциональных' сферах интеграции в границах конкретного национального государства» (Schiller & Çağlar 2008, p. 47).

¹⁴По официальной версии в стране установился демократический строй. Независимые исследователи и эксперты, напротив, указывают на очевидный авторитарный стиль, правящего в Азербайджане политического режима (см: Ottawa 2003, pp. 51-70; Гулиев 2011, с. 83-90; Abbasov 2011, p. 108).

¹⁵Безусловно, качество образования в постсоветский период значительно снизилось. Однако, ВУЗы страны и теперь привлекают студентов из многих стран. Например, из Турции, Индии, Китая и др. По официальным данным в 2008-2009 годах в стране проходили обучение 7 150 иностранных студентов. Многие из студентов (и, в первую очередь из Турции) после прохождения обучения остаются работать в Азербайджане. Downloaded from <http://edu.gov.az/view.php?lang=ru&menu=134>, on February 29, 2012.

Конструирование таких пространств в Баку связано и с постимперской (постсоветской) спецификой транснационализма иммигрантов (широкие и устойчивые связи в пространстве СНГ; русский язык, в качестве *lingua franca*, и пр.). С культурной гибридизацией идентичности иммигрантов из первой и второй групп. Транснационализм иммигрантов, отнесенных к третьей группе, позволяет конструировать собственные интеграционные пространства и сети, на надгосударственном уровне. Баку, как большая агломерация (финансовый, промышленный, политический и культурный центр), наиболее удачное место для производства таких транснациональных связей и пространств (Ruble 2008, et. al., pp. 3-4).

Можно утверждать, что вся предыдущая (с конца XIX века) история развития города, способствовала формированию в его границах таких пространств. Население Баку (с конца XIX-го и до середины XX века нефтяной столицы Российской, а затем Советской Империй) на протяжении всего XX-го века характеризовалось высокой степенью религиозного и этнического разнообразия. В годы формирования СССР город приобретает политический и символический статус «форпоста социализма на Востоке». Затем, в контексте политики «дружбы народов» дискурсивно трансформируется в самый интернациональный город СССР. Сами Бакинцы в 1960-1980-е годы предпочитали описывать Баку, в категориях космополитизма (Бадалов 2001, с. 260; Grant 2010, p. 126). Население города тех лет, часто описывается как состоявшее в основном из этнических азербайджанцев, русских, армян и евреев. Но границы между этими группами не были непроницаемыми. И особенно после Второй Мировой войны, говорить о городе можно как о социо-культурном пространстве конструируемом всеми его разнообразными резидентами. Причем, азербайджанцы («титовая нация республики») не составляли доминирующего большинства.

В Баку сложилась типичная для больших советских городов ситуация, когда использование русского языка, в среде его жителей, было формой, по словам Малахова, выражения культурной лояльности Советской империи. Но хотя население таких советских городов и было русскоязычным, оно не было русским в плане этничности (Малахов 2007, с. 165). Русскоязычное мультиэтническое сообщество бакинцев (как и другие подобного рода городские сообщества) представляло собой скорее группу с конгломеративной идентичностью (Laitin 1998, pp. 31-32). Хотя в момент распада СССР город быстро национализируется и становится гораздо более гомогенным по своему этническому составу, Баку остается фактически единственным местом, привлекающим транснациональные корпорации, международные неправительственные организации и абсолютное большинство (ре)иммигрантов.

В границах таких городских пространств очень часто и предпочитают селиться иммигранты. Очень многие из иммигрантов (и практически все, отнесенные к третьей группе), успешно интегрировались в транснациональные сети и организации. Такие сети могут конструироваться на основании сохранения частых и интенсивных контактов между принимающим обществом и страной исхода. Вместе с тем, транснациональные сети и пространства, часто конструируемые самими иммигрантами, могут быть и гораздо шире, включая третьи и четвертые страны. Ресурсом для конструирования таких сетей могут быть разного рода международные организации, кампании, банки и пр. В постсоветском Баку, центре финансовой, деловой, политической и культурной активности страны, обосновалось множество таких транснациональных корпораций и организаций.

Конструируя и/ или интегрируясь в такие сети иммигранты (и особенно из третьей группы) не стремятся к политической (гражданской) интеграции. Одной из причин отсутствия такого стремления можно считать неспособность правящего режима гарантировать реальное политическое и гражданское членство в воображаемом сообществе азербайджанцев, а также социальную защиту. Трудовые иммигранты из третьей группы рассматривают свое пребывание в стране как временное, даже в том случае, если живут и работают в стране по 5-10 или более лет. Другая причина, состоит в стремлении поддерживать интенсивные контакты со страной

исхода. И эта задача заметно облегчается при сохранении статуса гражданина страны исхода. Те же иммигранты, которые стремятся к приобретению гражданства (особенно грузинские азербайджанцы), предпочитают сохранять также гражданство Грузии.

Методология

Хоть и с некоторой задержкой, следует сказать, что в основе анализа, предлагаемого в данной статье, лежат биографические интервью с иммигрантами. Большая часть отобранных для анализа интервью были проведены в 2009-2011 годах; восемь интервью были проведены дополнительно в 2012 году (по четыре с представителями первой и третьей групп). Речь идет о трех блоках интервью:

Первый, с (ре)эмигрантами в Азербайджан (20 интервью), отнесенными к первой группе;

Второй, с грузинскими азербайджанцами (20 интервью) – вторая группа иммигрантов;

Третий, с иммигрантами из Турции, Индии и др. стран (10 интервью).

Большинство интервью проводилось в городе Баку. Шесть интервью были проведены в сельской местности (Шемахинский и Исмаиллинский районы республики). Среди информантов, были как женщины, так и мужчины, а также дети из семей, отнесенных мною к первой группе.

Дополнительно были проведены 7 проблемно-ориентированных экспертных интервью (академические исследователи, независимые эксперты, чиновники). Кроме того, мои наблюдения подкреплены также и критическим дискурс анализом публикаций в СМИ, посвященных «вопросу» грузинских азербайджанцев.

В дальнейшем статья будет построена из трех основных разделов, в которых я попытаюсь проиллюстрировать описанную ситуацию для каждой из выделенных групп иммигрантов.

Реэмигранты и члены их семей

Причины возвращения вначале 1990-х могли быть разными. Распад СССР изменил статус выходцев из Азербайджана, проживавших в других советских республиках. Они превратились в мигрантов и должны были получать гражданство страны пребывания. Или отказываться от этого гражданства, с тем, чтобы направиться в свою национальную республику. Близкие родственники, остававшиеся в Азербайджане (чаще всего родители), нередко оказывали самое прямое влияние на возвращение выходцев из Азербайджана. Родственные связи и отношения сохраняют свою силу и влияние в Азербайджане.

Теймур¹⁶ (мужчина, азербайджанец, 1956 г. рож.), уехал из Барды (небольшой провинциальный город в Азербайджане) в 1976 году. В 1997-м он вернулся в республику, под влиянием многочисленных просьб матери, которая после смерти мужа (отца Теймура) осталась одна. В республике живет брат информанта. Но мать смогла настоять и на возвращении второго сына. Он вернулся в Азербайджан с женой украинкой и дочерью, которые прежде бывали в республике только несколько раз во время отпусков и каникул. Поселился в Баку. Само возвращение не значило необходимость прямого присмотра за матерью, т. е. возвращение в город исхода (локальная родина).

Украина, после распада СССР, стала восприниматься как заграница, и мать требовала возвращения сына на родину, которая политически сузилась до границ Азербайджана. Но

¹⁶ Здесь и далее все имена информантов в целях сохранения анонимности были изменены.

вторичная социализация в Украине, где Теймур получил высшее образование, приобрел профессию врача, создал семью, становится серьезным препятствием для реинтеграции. Новые, усвоенные в стране эмиграции стереотипы поведения, привели к возникновению культурной границы между Теймуrom и принимающим сообществом.

«С тех пор, как я вернулся, я просто не могу здесь нормально жить. У меня все время такое чувство, как будто я здесь задыхаюсь. Все эти постоянные взятки, повсюду коррупция, которая просто уничтожает здесь все. Все насквозь прогнившее. [...] Организация, в которой я долгое время после переезда работал [транснациональное NGO], хоть и «западная»¹⁷, но с первых лет была известна своей дурной славой. Сами наши азербайджанцы были в этом виноваты. На Украине у меня была совсем другая жизнь. [...] Я очень жалею, что пошел на поводу у матери и приехал сюда. Мне пришлось оставить там [в Украине] трехкомнатную квартиру, хорошую работу. Правда, с работой и квартирой проблем не было и в Баку. [...] Но в Украине было все гораздо лучше. Если видят, что ты хороший специалист, то тебя на руках носят. А в Баку обязательно нужны связи, знакомства, родственники, взятки».

Интеграция в принимающее сообщество для его жены и дочери носили еще более сложный характер. Несмотря на то, что они не владеют азербайджанским языком, в Баку достаточно легко найти пространство, в котором русскоязычные могут чувствовать себя комфортно. Дочь получила возможность окончить школу на русском языке (последние годы обучения). Но жене Теймура найти работу, круг общения (соседи, друзья) было уже гораздо сложнее.

Практически сразу после переезда семья начала жить в транснациональном пространстве между Азербайджаном и Украиной. При этом сам Теймур на протяжении больше десяти лет работал в международной гуманитарной организации. У Теймура остались в Украине близкие друзья, у супруги и дочери прямые родственники. Они сохранили и собственность в Днепропетровске (квартиру) и после окончания средней школы, дочь сразу вернулась в Украину. Жена постоянно живет в пространстве между двумя странами. Часть времени с дочерью в Украине, а остальную часть с мужем в Баку. Теймур при каждой возможности также стремится посещать Украину.

Память о потерянных после реэмиграции возможностях (особенно в том, что касается профессионального и карьерного роста) типична для таких реэмигрантов. Речь часто идет о людях получивших высшее образование, но не обладающих необходимым социальным капиталом (родственные / земляческие связи и пр.) для того, чтобы получить престижную позицию в государственных структурах. Такую позицию, которая в коррумпированном постсоветском государстве является одной из немногих гарантий финансового и социального благополучия.

Аваз (мужчина, азербайджанец, 1967 года рождения), выходец из Ахсуйского района республики, в 1988 году уехал в Волгоград, где окончив институт, приобрел диплом юриста. В советском Азербайджане поступить в университет на юридический факультет было практически невозможно. Все места на годы вперед закреплялись за детьми высшей партийной номенклатуры и прочих руководителей республики. После распада СССР Аваз принял гражданство России. В 1998 году он вернулся в Азербайджан, где отказался от российского гражданства, и остался жить и работать в Баку. Работу он также нашел в транснациональной, но коммерческой организации.

«После окончания института я в России еще 2 года отработал в прокуратуре. Это была практика, конечно. Но я мог бы рассчитывать и на постоянное место. А здесь мне приходится бегать целыми днями, чтобы копейку заработать. Конечно, работа постоянная есть. Зарплата неплохая. Но все это не то, чем бы мне по-настоящему хотелось заниматься».

¹⁷ Информант назвал страну, в которой находится штаб-квартира этой международной организации.

Аваз также вернулся в Азербайджан по требованию родителей, которые (как он теперь вспоминает) опасались, что в Волгограде он женится на местной русской девушке.

«У нас в роду уже двое дядей и двоюродный брат на русских женаты. Мать сказала: «хватит уже русских в роду». Ну а потом отец умер, а мать, ни в какую меня не отпускала. Пришлось остаться. В первое время мне здесь было очень тяжело. Я первые восемь месяцев как в тумане ходил. Пока хоть работу не нашел. [...] Я бы не думая улетел обратно в Россию, но мать не дала. Да и две сестры сейчас на мне остались. Нет, не даст. [...] Ребята приезжают из Волгограда, спрашивают, что ты здесь торчишь? Приезжай, будешь в два – три раза больше зарабатывать. Но теперь уже никак».

Реэмигранты, получившие профессиональное образование в России или Украине, рассматривают институты высшего образования в Азербайджане, как провинциальные. Репрезентация биографии часто содержит упоминание о качественно более высоком уровне образования, которое получили реэмигранты. В результате, если социального капитала какого-либо эмигранта недостаточно для получения престижного места в одном из государственных учреждений, он воспринимает эту ситуацию как высшую форму несправедливости. Это чувство затем накладывается и на восприятие многих других норм и правил поведения.

Далеко не все эмигранты возвращаются по требованию ближайших родственников. Определенная категория возвращается в страну исхода, так как им не удалось устроиться в стране эмиграции. Лала (женщина, азербайджанка, 1980 года рождения), попыталась вместе с мужем переехать в Швецию.

«Мы всегда хотели уехать из Азербайджана. Это не проблема работы. И у мужа и у меня хорошей работой никогда не было проблем. [...] Наверное, это все же желание найти место, где ты можешь быть уверенным в своем будущем. Ну, и конечно, в будущем своих детей. [...] Моя сестра с семьей уже давно перебрались в Германию. Семья мужа уже 12 лет в Швеции, получили гражданство. И, конечно, родственники тоже влияние на нас оказывали. Поддерживали этот интерес, к отъезду в Европу. [...] Но мы все как-то долго собирались, все на что-то надеялись. В том смысле, чтобы уехать наверняка. Навсегда. Чтобы получить возможность остаться там. Вариантов, к сожалению, не так много. Все равно остается только один путь – говорить, что мы политические беженцы. И мы хотя бы попробовали. Конечно, очень хотелось бы остаться. Но у нас не получилось».

В 2012 году они вернулись в Азербайджан, после пяти лет пребывания в Швеции. В случае с такими реэмигрантами проблем с интеграцией не возникает. Устойчивые и разветвленные родственные и дружеские сети позволили обоим супругам быстро найти престижную работу. Как и до отъезда в Швецию они работают в разных транснациональных коммерческих корпорациях. Как правило, такие мигранты сохраняют в стране недвижимость (квартиры, дома, земельные участки). Таким образом, социальный капитал и сохранение недвижимости позволяют быстро и эффективно реинтегрироваться.

Как особенную ситуацию, выше об этом уже говорилось, можно рассматривать положение детей, всю жизнь до переезда, проживших за пределами Азербайджана. Парвана (женщина, азербайджанка, 1979 года рождения) родилась, как и ее родители в городе Джамбуле (Казахстан). Все они были потомками семей, репрессированных в годы коллективизации (1930-1932), и уже в третьем поколении проживали в Казахстане. Переехали в Баку в 1993 году. В духе клише патриотического дискурса, этот шаг родителей Парвана интерпретирует, как результат «зова родины». Откликнуться на этот «зов» помог отцу и личный опыт, когда он посещал Баку с рабочими визитами. Семья переехала в Сумгаит – промышленный город-спутник Баку, так как они не могли себе позволить приобрести квартиру в Баку.

«Мне здесь очень нравится. Хотя родители вначале хотели уехать обратно. Они очень скучали по родственникам. Вся семья осталась там. С нами переехали только мамина сестра, она вышла замуж сюда, в Баку, и дядя. А так, все остались там. [...] Многие пытались переехать, но у них ничего не получилось. Работу не смогли найти. [...] Поначалу мне здесь все казалось страшным. Люди ходят черные. Глаза большие. Черные. Все усатые.

А сейчас нормально. Привыкла уже. Да и за эти годы здесь стало намного лучше. Когда родители спросили, хотим ли мы вернуться обратно, то мы отказались. [...] Если деньги есть, то можно все себе позволить. Хотя там [в Казахстане] были и свои плюсы. Люди там намного проще и в одежде и в отношениях. А здесь все сложнее. Вот, например, едем в Азербайджан, по дороге, если это Россия или Казахстан, женщины все в каких-то простеньких ситцевых платях ходят. А здесь уже нет, все стараются хорошо одеться».

В случае с Парваной и ее сестрой социализация в принимающем сообществе началась уже в последних классах средней школы и прошла успешно и достаточно быстро. Кроме того, страна исхода (город Джамбул) в памяти остались как место непривлекательное для постоянной жизни. В данном случае можно наблюдать иную специфику наличия у информантки опыта жизни в «двух мирах». Сравнение этих миров говорит в пользу принимающей страны.

Интеграции способствует и идея о возвращении. В рефлексии Парваны не содержатся попытки интерпретации опыта ее жизни, как иммигрантки. Она предпочитает описывать свой переезд в категориях «возвращения домой» к «истокам». Однако Парване все же не хватает той социальной компетенции, которая она наверняка обладала бы в случае первичной социализации в Азербайджане. Недостатки владения азербайджанским языком компенсируются высшим образованием и владением английским. Эти ресурсы позволяют ей (несмотря на отсутствие у семьи ресурса членства в разветвленных семейных и региональных/земляческих сетях), интегрироваться в транснациональные пространства Баку. Она долгое время работала в транснациональной телекоммуникационной фирме, теперь в коммерческой организации. В случае с Парваной, сам выбор языка (превалирующее внимание к развитию английского, а не государственного - азербайджанского) связан с установкой на интеграцию в транснациональные пространства и сети.

Фикрет (мужчина, из смешанной семьи - отец азербайджанец, мать русская, 1987 года рождения), жил с семьей в Грозном. С началом войны семья переехала в Крым, где до этого поселился старший брат Фикрета. Через два года они перебрались в Москву. Наконец, в 2003 году приехали в Баку. Этот пример демонстрирует не только процесс интеграции ребенка из семьи реэмигрантов. В данном случае можно наблюдать, какие частые изменения могут претерпевать миграционные проекты в каждом конкретном случае. Миграция далеко не всегда означает одноактный переезд из страны происхождения в принимающее эмигранта государство. Пример Фикрета демонстрирует множественность таких решений. Как и его намерение обязательно эмигрировать из Азербайджана.

«Люди здесь гнилые. Продажные. Все только используют друг друга. Брат брата. Отец дочь. Жена мужа. Люди - двуличные. Особенно это по отношению к религии заметно. Большинство лицемерят, а вот истинных мусульман не много. Допустим, совершает кто-то намаз [ежедневная пятикратная молитва] и за это его начинают уважать. Но, в основном, это простая показуха. [...] А я в Азербайджане уже сделал свой выбор и принял христианство. Отец, конечно, не очень этому обрадовался. Но мешать и уговаривать не стал. [...] Я здесь ни за что не останусь. У меня брат в Москве остался и я к нему, как только смогу переберусь. [...] Главное, что в России люди совсем другие. Вот у брата друзья: русские ребята, чеченцы или азербайджанцы, но чистые бакинцы. Нормальные отношения. Все простые ребята, можно сесть с ними и обсудить любую проблему. Не как в Баку. Да и президент Путин нашему не чета. Он работает для народа, а не на свой карман, как Ельцин или Алиев».

Культурная граница воображается как непреодолимая. У Фикрета нет желания тратить время на повышение уровня собственной социальной компетенции в стране, где он не намерен оставаться. Отсутствие стремления к владению государственным языком, подкрепляется еще и выбором религии. При этом какого-либо внутрисемейного конфликта не возникает. Все негативные эмоции направлены на принимающее сообщество.

Но, хоть и временно (как убежден сам Фикрет) находясь в Баку, он интегрируется в сети таких же как он - детей иммигрантов, часто от смешанных браков. Эти сети могут конструироваться в средних школах. Часто эмигранты из Азербайджана (особенно постоянно проживающие в России), своих детей отправляют учиться в школы в Азербайджане. Или такие сети могут конструироваться в институтах, в секторах с обучением на русском языке. Наконец, в результате случайного знакомства. В Баку и теперь существуют достаточно широкие русскоязычные пространства.

Установка на эмиграцию широко распространена в среде детей из таких семей. Что, конечно, не предполагает что именно так и поступит информант. Многое зависит от возможностей профессионального обустройства в Азербайджане. Наталья (женщина, из смешанной семьи - отец азербайджанец, мать русская, 1987 года рождения), родилась в Самаре. Семья Натальи переехала в Баку в 1999 году.

«Я, правда, еще не до конца решила уехать. Тем более есть еще год института. Могу пока подумать. Просто люди здесь какие-то другие и отношения тоже. [...] На работу без знакомств не устроишься. А найдешь работу, пашешь и результат нулевой. Все друг друга кидают. Никакой честности в людях нет. [...] Но семья все же здесь. Если я найду хорошую работу, то может быть и останусь тоже. [...] В России тоже ведь не маслом намазано. Но там, все же, есть много плюсов. Там все четко. Если сказал шеф, что это так, значит, все так и будет. Работаешь на доверии. [...] Но в плане личном там отношения между людьми не очень. Пошлее что ли. Пьянство страшное. [...] Может быть, поэтому и приличную работу легче найти».

Принимающим сообществом для детей иммигрантов из таких семей становится в той или иной степени узкий круг, состоящий из членной семьи, новых друзей и знакомых. Так как основной поток таких (ре)эмигрантов направляется в Баку, реальность попадания в такие (хоть и узкие) сети остается достаточно высокой.

Напротив, необходимость конструирования собственного круга общения, основанного на сетях близкого родства и дружеских отношений не является проблемой для (ре)эмигрантов, возвращающихся в свои родные деревни. Насиб (мужчина, азербайджанец, 1962 года рождения), вернувшись в деревню, быстро интегрировался в сети родственников односельчан.

Я уехал после 8 класса. У нас в районе 8 летняя школа была. [...] А у меня дядя жил в Казахстане, и он забрал меня к себе. Чтобы я мог закончить 10-й класс. Поступить там куда-нибудь. Так я и уехал в Кустанайскую область Казахстана. [...] Ну, раньше там хорошо было конечно. Раньше в советское время везде хорошо было. [...] Я только летом немножко... на кирпичном заводе работал. Это когда я в школе учился. У нас практика как бы шла. Ребят отправляли на уборку [сельскохозяйственные работы], а я уходил на кирпичный завод. Там заработка больше было. [...] я в [19]78 году туда попал, отучился два года, ушел оттуда в армию, служил в Волгограде. [...] После службы обратно вернулся в Казахстан. [...] Потом по просьбе родителей вернулся в [родную деревню]. [...] А потом уехал в Россию. [...] Я работал в Оренбургской области. [...] В Куйбышевской. [...] Потом в Челябинской области. Там хорошо было... Ну, за сезон можно было машину купить, короче. Вот такими деньгами, можно было за 6, за 7 тысяч купить машину. Заработок у нас выходил 6-7 тысяч. [...] Жильем обеспечивали бесплатно, пустую квартиру давали.

В 1990 году, в период распада СССР, Насиб вернулся в Азербайджан, в свою деревню. Естественно, что никакой официальной и продуманной политики интеграции не могло существовать в тот период (конфликт с Арменией, экономический и политический кризисы и пр.). Но центральный вопрос, который следует поставить, основываясь на примерах иммигрантов из первой группы, следует формулировать по-другому. Из перспективы, на мой взгляд, самих (ре)эмигрантов). Никто из них не связывал свои ожидания, надежды, или недовольство с отсутствием какой-либо государственной интеграционной политики. Иммигранты не ждут от государства никакой специальной поддержки. Политика государства необязательно должны содержать элементы финансовой помощи. Можно предположить,

например, что власть могла бы организовывать языковые курсы для иммигрантов. Но эту задачу власть на себя не берет, и сами иммигранты не связывают свои надежды с перспективами помощи со стороны государства. Что касается первой группы - иммиграция в Азербайджан на протяжении 20 лет после распада СССР остается личным (индивидуальным и/или семейным) проектом. Ресурсом для иммиграции и интеграции все эти годы оставался личный социальный капитал каждого иммигранта. Потенциальные возможности интеграции в принимающем сообществе (и особенно для детей от смешанных браков) связаны с доступом к транснациональным пространствам и участием в транснациональных сетях.

Грузинские азербайджанцы: представители «диаспоры катаклизма»

Опыт грузинских азербайджанцев в значительной степени отличается от описанного выше. В одной из своих работ Эрнест Геллнер, высказываясь по поводу возникновения в первые годы XX века национальных государств в Восточной Европе, заметил, что «В ситуации этнического разнообразия, характерного для Восточной Европы, бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна» (Геллнер 2002, с. 169). Под «справедливой картой», в контексте националистического дискурса, можно понимать такое изображение «родины», в границах которого объединены все представители единой этнонации. Сконструировать такие «родины» в регионе Южного Кавказа (как, практически, и в любом другом) было чрезвычайно сложно, учитывая смешанное проживание населения, противоречивые представления местных националистов и пр. В результате конструирования национальных республик значительная группа компактно проживающих этнических азербайджанцев оказались в Грузии¹⁸. Если воспользоваться терминологией Роджерса Брубейкера, то эти общины, можно обозначить, как «диаспоры - катаклизма» (Брубейкер 2005, с. 44-45). Валерий Тишков также обращается к этой теме и отмечает, что слабость определения диаспоры только через миграцию состоит в том, что:

«оно исключает другой распространенный случай образования диаспоры – перемещение государственных границ, в результате чего культурно – родственное население, проживающее в одной стране, оказывается в двух или нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве. Так создается ощущение реальности, имеющей политическую метафору «разделенного народа» как некой исторической аномалии. И хотя неразделенных народов история почти не знает \diamond эта метафора составляет один из важнейших компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве» (Тишков 2003, с. 437).

Азербайджанцы компактно проживают на территории Грузии, в областях примыкающих к границам Азербайджана и Армении. Наибольшее их количество сосредоточено в Марнеульском районе, который практически целиком населен азербайджанцами. Вместе с тем, они составляют и значительную часть населения в Гардабанском, Болнисском и Дманисском районах Грузии. Кроме того, многие азербайджанцы проживают в столице республики – Тбилиси. По данным последней советской переписи в Грузии проживало в 1989 году 307.6 тыс. азербайджанцев, но, по версии переписи населения в 2002 году, проходившей уже в суверенной Грузии, их численность несколько снизилась, достигнув 284.8 тыс. человек (Нодия, там же, с. 62).

После коллапса СССР административные границы между Азербайджаном и Грузией превратились в национальные. Быстро повысился статус грузинского языка, который в годы советской власти во многом заменял русский. Переезд в Азербайджан на постоянное жительство осложнился необходимостью получения гражданства, проблемы, которая просто не

¹⁸ А также в Армении, где азербайджанцы компактно проживали до Карабахской конфликта (1988-1994 гг.). Азербайджанцы, естественно, не представляли собой исключения. Точно так же после формирования советских республик в 1920-е годы существовали регионы компактного проживания армян или грузин на территории Азербайджана.

существовала в годы советской власти¹⁹. Трудовая эмиграция в Россию, напрямую стала зависеть от противоречивой политики российских и грузинских властей и т. д.

Кроме того, сама установка, по словам Эрика Хобсбаума, на «культурную унификацию и стандартизацию жизни граждан» (1998, с. 150) не могла не сказаться и на положении грузинских азербайджанцев. По мнению Гия Нодия:

«Проводил тот или иной режим на деле этнические чистки, зависело от политической конъюнктуры данного момента, но идеологически именно этническая чистота <> составляла идеал (пусть реально недостижимый национально – государственного строительства). Делать такую однородность целью официальной политики было, конечно, нельзя, это все понимали, но отношение к этническим меньшинствам было отношением к нежелательной нагрузке, которую Грузия, к сожалению, получила из исторического прошлого. Лучше бы этнических меньшинств совсем не было, но раз уж они есть их надо терпеть, хотя при удобном случае хорошо бы выталкивать их малыми группами на «исторические родины» (как это делали с азербайджанцами в Болниси или осетинами)» (Нодия 2003, с. 68-69).

Официальная, со стороны властей, политика дискриминации по отношению к азербайджанцам или армянам в Грузии в настоящий момент не проводится. Однако, сложная экономическая ситуация, ограниченный набор возможных карьер и т. п. подталкивают грузинских азербайджанцев к переезду в соседний Азербайджан. Еще более важным фактором выступают родственные и земляческие сети, которые всегда пересекали административные и государственные границы. Кроме того, в 1960-1980-е годы множество грузинских азербайджанцев переехали в Азербайджан, тем самым существенно расширив эти сети. Например, Тамара (женщина из смешанной семьи - отец азербайджанец, мать грузинка, 1962 года рождения), в 1981 году переехала в Азербайджан.

Я родилась в Тбилиси. Моя мама, брат с семьей, почти все родственники все живут в Тбилиси. [...] Я сюда вышла замуж, так бы я никогда бы не переехала. Я познакомилась с мужем в Грузии. Он сам тоже из Грузии, из Марнеульского района, и, когда он закончил АЗИ [Азербайджанский институт нефти и химии], его по распределению оставили здесь [в Сангачалах, поселок расположенный недалеко от Баку]. Ну, и что, сейчас у него два диплома, и он безработным сидит дома. И я, вот уже 30 лет живу в Азербайджане. [...] Поначалу очень жалела. Не могла здесь жить. Первые лет десять - пятнадцать мне здесь было очень тяжело. Все другое. Другая среда, никого из близких, знакомых или подруг. Я первое время дома сидела. Домохозяйкой была. А так знакомства не заведешь. Но потом уже в 1990-х, после всех тех лет, когда ездила в Грузию, уже не жалела. В 1990-е я одно время вообще ездила только ради родных, а так ни за что бы ни поехала туда. Какой-то дух пропал у Тбилиси. Сейчас это уже совсем не тот город, что был когда-то. Сейчас у них очень плохое положение. И у нас не намного лучше, но все же, не так, как в Грузии. И потом нет какой-то стабильности, нет уверенности в будущем. Хоть и живут там азербайджанцы мирно и все нормально, но уже есть какая-то неуверенность. Думаешь, при этой власти все нормально, а при другой как будет неизвестно. У грузин все же есть этот шовинизм. [...] Я уж тут не знаю, как быть. Но, все же, они более патриотичны и это хорошо. Нам нужно у них учиться. [...] Мы здесь уже тридцать лет, но у нас в Грузии и земля есть. Хороший участок. И дом. Двухэтажный добротный дом в нашей деревне, в Марнеульском районе. Там сейчас свекровь живет. На отопительный сезон мы ее забираем сюда. А в марте она уже уезжает обратно туда. [...] Я вообще думаю, что когда выйду на пенсию, я передумать жить туда к себе в деревню. Все же, это моя историческая родина. Хотя и это [Азербайджан] историческая родина. Не знаю, я считаю, что я имею право так ее [Грузию] называть, и имею право на гражданство».

Изменение статуса двух соседних республик - Грузии и Азербайджана, после распада СССР, не становится непреодолимым препятствием для поддержания и формирования сетей грузинских азербайджанцев, большинство из которых живут в транснациональном

¹⁹ Ее заменяла проблема постоянной прописки.

пространстве между двумя республиками. В обеих республиках у многие владеют собственностью. Нередко грузинские азербайджанцы являются гражданами двух республик. В первую очередь это утверждение относится к тем, кто эмигрировал в Азербайджан в постсоветский период. Поддержанию тесных контактов способствуют стабильные родственные связи. Многие грузинские азербайджанцы привычно проводят в Грузии отпуска, дети – каникулы. Нередко, живя на две республики, вкладывают средства, заработанные в Азербайджане, в благоустройство домов или расширение земельных участков в Грузии. Сами устойчивые трансграничные сети и отношения (родственные и земляческие) становятся важнейшим ресурсом для переезда в Азербайджан. Тукезбан (азербайджанка, женщина, 1958 года рождения), переехала из Марнеули (город в Грузии) в Баку в 1976 году, выйдя замуж, за родственника.

«Наши [грузинские азербайджанцы] уже давно переезжали в Азербайджан, еще в 1970-е годы. Мой муж уже отсюда [из Баку] в армию пошел, а после возвращения поступил в институт. Он в АЗИ Нефтяной факультет закончил и остался здесь работать. А я приехала и за него замуж вышла. Мы вообще всегда все приезжали учиться в Азербайджан. Там [в Грузии], допустим, школу заканчиваешь. Там азербайджанские школы есть. А в институт в основном приезжали учиться в Азербайджан. Все так делали. Здесь легче было поступить. Если уже работу находили то оставались здесь. Мой муж приехал, когда был мальчишкой. Закончил здесь [в Баку] школу. Пошел в армию. Оба его старших братьев переехали сюда задолго до него. Кроме них в Баку у нас родственников нет. Все наши родственники живут в Грузии. Я и сама постоянно езжу в Грузию. Обе мои невестки из Грузии. [...] Мои невестки они мои родственницы, поэтому я их взяла. И вообще мы, конечно, стараемся своих брать. С грузинами у нас никогда не было таких отношений, чтобы женились на наших. Или наши на их. Или замуж шли. Такого не было. С русскими бывало. [...] А с грузинами нет. Они еще с советского времени к нам относились плохо. Просто тогда, наверное, не могли ничего сделать, а как только Советский Союз распался, совсем плохо стало. [...] Наши сейчас там очень плохо живут. Там совсем невозможно жить. Раньше богатые были, а сейчас все бедные. Допустим, было много дворов, в которых по несколько машин стояло, а сейчас ни у кого нет. У кого, допустим, была, он ее продал, чтобы жить. Все бедные стали. [...] Кто летом готовился, урожай собирал, помидоры, солянку приготовил, чтобы поехать в Россию продавать и все остались без ничего. [...] Наши, допустим, за счет чего жили: приезжали в Баку иранские вещи дешевые брали и там продавали, чтобы на жизнь заработать. А они теперь запретили через границу возить. И это тоже не дают делать. [...] Я думаю, что оттуда рано или поздно все уедут. Там совсем невозможно жить стало. Очень плохо. [...] Все мои родственники конечно хотели бы уехать, но не всегда ведь это просто. Там у него, допустим, двухэтажный дом, а как его бросить? Продать невозможно, никто не покупает. [...] У нас там земля своя осталась и одна комната. Мы летом ездим отдыхать [...] Недавно брат мужа купил землю рядом с Батуми. Хочет строить дом. Там сейчас многое восстанавливается и это настоящее курортное место. Вот он и говорит, что сделаю дом, и на пенсию передо туда жить».

Несмотря на сложную ситуацию и сохранение границ между грузинами и азербайджанцами, большинство иммигрантов не стремятся отказываться от собственности в Грузии. В определенном смысле это связано с низкими ценами на дома и землю в сельских районах, населенных азербайджанцами. Но часто, те азербайджанцы, которые переехали и обосновались в Азербайджане (особенно в годы СССР), рассматривают Грузию (и конкретно свою деревню), в качестве локальной родины. От собственности не только не отказываются, но и при условии финансового достатка, вкладывают деньги в перестройку и ремонт домов, расширение земельных участков. Несмотря на то, что первые два примера – это интервью с женщинами, в основном первыми уезжают мужчины. Второй пример демонстрирует наиболее частую практику переезда в Азербайджан женщин – вступление в брак с родственниками или земляками. Пример Таира (азербайджанец, мужчина, 1940 года рождения), переехал в Азербайджан после учебы в России в 1965 году, демонстрирует как иммигрант начинает

выстраивать сети со страной происхождения. Ему удалось устроиться на престижную работу в государственное учреждение.

«Я когда уже обустроился здесь поехал в деревню за невестой. Мои родители подыскали мне невесту из нашей родни и свадьбу мы там справляли. При советской власти у нас тоже были непростые отношения с Грузинами. Что тут говорить. Я как раз оказался в Тбилиси, когда там сносили мечеть шаха Аббаса²⁰. Я смотрел на это и плакал. [...] Но все же азербайджанцы всегда жили и живут в Грузии. Я сам всегда против, когда вижу, что все больше их уезжает. Если все уедут, то так никого и не останется. А там наша родина и нам нельзя об этом забывать. Я, допустим, уже много лет, большую часть жизни живу в Баку, но наш дом в деревне стоит! Каждый год я там. На всех свадьбах, на всех поминках, я всегда стараюсь быть в родной деревне. Тем более, если близкий кто-то».

Присутствие в Азербайджане многочисленных выходцев из Грузии позволяет новым многочисленным мигрантам обходить неудобный закон о гражданстве. Грузинские азербайджанцы (как правило, это только окончившие школу молодые люди и девушки), приезжая в Баку, селятся у родственников. Тем самым, получая возможность оформить легальную регистрацию по месту жительства и найти работу. Тарлан (мужчина, азербайджанец, 1987 года рождения):

«Я приехал, как сейчас помню, летом 2004 года. Поступать в институт. У меня в Грузии только мать осталась. Чем она могла мне помочь? Уже в возрасте, болеет. Там жизнь такая, что и заработать негде. [...] Но, к счастью, у меня дядя (мамин брат) уже много лет живет в Баку. Всегда он на хороших должностях работал. И я у него уже с 2004 года живу. А так ребятам найти здесь возможность прописаться, если нет родственников, то это очень сложно сделать. [...] Элементарно - жизнь в Баку дорогая. Квартиру, чтобы снимать, это сколько нужно зарабатывать? А так, я и отложить могу и матери помочь. [...] Мама тоже стала заниматься тем, что раз в неделю привозит из Грузии каких-нибудь продуктов. Сколько может с собой привезти. Фрукты или овощи по сезону. Рыбу часто возит. И я помогаю ей продавать. На работе. Я в банке работаю, и многие покупают деревенские продукты. Родственники тоже помогают. По соседям раздают».

В случае со второй группой, иммигранты также не выражают четкой, консолидированной позиции в отношении необходимости формирования политики интеграции. Главное требование, высказываемое немногочисленными этническими активистами из числа грузинских азербайджанцев, а также рядом политиков (в основном депутатов Парламента) – введение особого режима получения гражданства. Сами иммигранты также, видят проблему только в получении гражданства. Трудно сказать однозначно, почему власть не стремится к введению особого режима. Можно предположить, что тем самым власти демонстрируют свое нежелание поддерживать иммиграцию в Азербайджан. Однако, неудобный закон о гражданстве не может служить серьезным препятствием для иммиграции грузинских азербайджанцев²¹. Существование разветвленных и устойчивых транснациональных сетей, основанных на родственных и земляческих отношениях, позволяет многим иммигрантам легко обходить этот закон.

Трудовые иммигранты в Азербайджане

Что касается третьей группы иммигрантов в Азербайджане, власть и в данном случае не проводит никакой политики интеграции. Но именно в отношении этой группы иммигрантов формируется политика контроля. К концу 1990-х годов азербайджанский политический режим начинает уделять более пристальное внимание иммиграционной политике, что проявляется в формировании законодательной базы. Одним из первых важных законов становится «Закон

²⁰ Шах Аббас I из персидской династии Сефевидов. После завоевания в начале XVII века Тбилиси (Тифлиса) по его указанию в городе была построена мечеть.

²¹ Скорее способствует появлению значительных групп нелегальных иммигрантов.

Азербайджанской Республики об иммиграции» (от 22.12.1998 г.)²². По этому закону все желающие получали право подавать ходатайство об иммиграции в АР, и при наличии ряда условий это ходатайство должно быть утверждено. В октябре 1999 года был утвержден закон «О трудовой миграции», который регулировал правила трудоустройства иностранцев в Азербайджане²³. В 2002 году был подписан закон об удостоверении иммигранта²⁴.

С 2001 года Министерство Труда и Социальной защиты стало выдавать индивидуальные разрешения на работу в Азербайджане. К 2006 году такие разрешения получили 8 485 иммигрантов. При этом, вплоть до создания Государственной Миграционной службы, контроль над иммигрантами осуществлялся, в основном, министерством внутренних дел. По официальным данным в 2005 году 20 986 тыс. иностранцев²⁵ получили временную регистрацию в отделениях полиции по месту жительства (Migration in the Republic of Azerbaijan, 2008, p 14). По последней официальной информации в январе 2012 года в Государственную миграционную службу Азербайджанской республики по самым разным вопросам (просьбы о выдаче разрешения на временное пребывание, продление виз и т. п.) обратились 4 360 мигрантов. 1 122 иностранца нарушили административное законодательство АР. В результате 261 заплатили штрафы, 696-ти было предписано покинуть страну, а 165 были выдворены в административном порядке²⁶.

Странами поставщиками трудовых мигрантов в Азербайджан являются Турция, Великобритания, Иран, Пакистан, Филиппины и ряд других стран (Azerbaijan Labor Migrant Survey 2008, pp. 16-21). Ряд экспертов указывают также и на то, что на территории республики могут находиться десятки тысяч иммигрантов, которые не учитываются официальной статистикой. Однако проверить эту информацию и указать на какие-либо заслуживающие доверие цифры, фактически, невозможно. Можно только утверждать, что в ситуации высокой коррумпированности государственных структур значительная часть иммигрантов, безусловно, должна оставаться неучтенной официальной статистикой.

Можно также утверждать, что три сферы являются наиболее привлекательными для трудовых иммигрантов: нефте-газовая, строительный и личный бизнес. Мурат (мужчина, турок, 1976 года рождения), во второй половине 1990-х годов проходил в течении четырех лет обучение в Строительном университете в Баку. Женится на гражданке Азербайджана и вернулся в Турцию. В 2009 году он иммигрировал в Азербайджан в поисках работы.

«В Турции по моей специальности инженер-строитель очень сложно найти работу. Тем более рассчитывать на то, чтобы найти постоянную работу. А в Азербайджане сейчас строительный бум. Конечно, найти работу постоянную тоже сложно. Но самое главное, что работа есть, и она хорошо оплачивается. [...] Я примерно за два года уже четыре места поменял. Сейчас работаю в Баку на крупной стройке. Система такая: владеет – местный азербайджанец. На уровне инженерском работают специалисты из Турции. Квалифицированную работу рабочих выполняют гастарбайтеры из Индии. Это примерно полторы тысячи человек. А местные азербайджанцы получают только работу разнорабочих. Получается, что местные на самом верху, и в самом низу. [...] Моя цель – заработать как можно больше денег и вернуться. Остаться здесь я не намерен. [...]

²² Downloaded from: Государственная Миграционная Служба Азербайджанской Республики (ГМС АР), <http://migration.gov.az/images/pdf/e4648c2607c8e316316a1388f6d09a16.pdf>, on February 29, 2012.

²³ Downloaded from: (ГМС АР), <http://migration.gov.az/images/pdf/b4a7bbc25c4e936cedaa5ee6d958a75e.pdf>, on February 29.

²⁴ Downloaded from: (ГМС АР), <http://migration.gov.az/images/pdf/0b3c44b1b3e9dafd811c99fb6892399d.pdf>, on February 29, 2012.

²⁵ Значительную часть их составляли, впрочем, грузинские азербайджанцы.

²⁶ Официальная статистическая информация Государственной Миграционной службы Азербайджанской Республики на январь 2012 года. Downloaded from: ГМС АР, <http://migration.gov.az/index.php?section=009&subsection=041&lang=ru&pageid=3036>, on February 29, 2012.

Никто из моих друзей к этому не стремится. У меня здесь человек двадцать друзей. Кто-то со мной в одной группе учился и потом так и остались. Открыли свой бизнес. В основном это торговля или рестораны. Многие здесь женились. Живут здесь, получается, уже лет по пятнадцать. Но так, чтобы получать гражданство, никому даже в голову не приходит».

Сети, которые создают такие иммигранты, часто конструируются по принципу региональных/ земляческих/ дружеских. В самих этих сетях состоят иммигранты, которые открывают кафе, ресторанчики и т. п. объекты, для обслуживания тех же иммигрантов. Определенный ресурс контактов с принимающим сообществом такие иммигранты приобретают в результате браков с гражданками Азербайджана. Но живут они в основном в транснациональных сетях и пространствах. И для граждан Турции (и для тех иммигрантов, кто предпочитает обучение на английском) в Баку созданы средние школы, в которых могут проходить обучение дети, не владеющие азербайджанским или русским языками. Поиски работы ведутся через те же сети (земляческие и дружеские). Гарантии прав и социальной безопасности приобретаются через контакты с местными чиновниками и высокие заработки. Нанимать инженера строителя гражданина Турции может себе позволить, как правило, только крупный бизнесмен. В стране весь крупный бизнес либо принадлежит, либо напрямую контролируется высокопоставленными чиновниками и членами их семей.

В наиболее привилегированном положении часто оказываются служащие компаний, имеющих непосредственное отношение к добыче нефти и газа. Но иммигрант может найти работу в любой транснациональной компании или организации. Мелани, (женщина, гражданка Канады, 1976 года рождения), нашла работу в Баку с помощью Интернета. Для нее поездка в Азербайджан – это скорее приключение, погружение в совершенно незнакомый мир.

«Мне в Баку все очень нравится и меня все устраивает. Если я смогу продлить контракт, то с удовольствием здесь останусь. Я ведь из Канады. Для меня соотношение зарплаты и цен очень хорошее. И потом мне в Канаде мне было сложно найти такую работу. Получала я бы наверняка больше, но и затраты не соизмеримы. Да и я не смогла бы получить такую позицию. В нашей сфере большая безработица. [...] В Канаде вообще очень сложно жить. Сейчас я получаю немного для иностранки – 2 000\$. Но я могу и неплохо зарабатывать на уроках английского языка. И этого вполне хватает на приличную жизнь. Я могу позволить себе снимать хорошую квартиру, платить служанке, которая следит за чистотой. В Канаде при средней зарплате, я была вынуждена жить с дядей. И это притом, что мы не из бедной семьи, а из среднего класса. Потом мне очень нравится дух старины, который здесь чувствуется, и которого нет в Канаде. Здесь чувствуется тысячелетняя история. Своя культура, особенности. А у канадцев ничего своего нет. Даже у американцев есть хотя бы Макдоналдс, а у нас ничего нет. Только шопинг здесь просто кошмарный. Я совершенно не могу ходить здесь по магазинам. Просто нечего купить».

Настроения у иммигрантов из третьей группы могут быть самыми разными. Кому-то нравится атмосфера в Азербайджане. Кто-то из них испытывает постоянный повседневный дискомфорт. Но в обоих случаях практически никто из трудовых иммигрантов не стремится приобрести гражданство Азербайджана. В данном случае можно наблюдать четкую разницу между грузинскими азербайджанцами и трудовыми иммигрантами из других государств. Женщины азербайджанки из Грузии вступают в брак, с тем, чтобы переехать в Азербайджан. В то время как гражданки (или, в меньшей степени граждане) Азербайджана вступают в брак с иммигрантами из Турции, США и др. стран, с целью эмигрировать из страны.

Рэнди (мужчина, гражданин США 51 год), до приезда в Баку был безработным. Приехал в Баку в 2001 году. С помощью Интернета он познакомился с женщиной гражданкой Азербайджана и приехал к ней в гости. Какое-то время его знакомая пыталась подыскать ему работу, но не смогла и они расстались. Однако, Рэнди остался в Баку и, в конечном итоге, начал зарабатывать, давая приватные уроки английского языка. Он познакомился с другой девушкой и женился на ней.

«Все же первая меня хотела просто использовать, а сейчас я живу с любимой девушкой. [...] С работой трудновато, но тут- там подзарабатываю. Да и она работает. Ее родители постепенно привыкли и уже не против наших отношений. [...] Я уже привык здесь жить. Все же уже много лет как я в Азербайджане. Но жена хочет уехать в Штаты. Она там училась два года и хотела бы жить там. Иногда я тоже скучаю. Хотя бы по еде, которую я люблю. Пицца, например. Здесь такой нет. Но, в общем-то, я здесь прижился. Мне здесь и люди нравятся и вообще обстановка. Не думаю, что останусь навсегда. Больше всего меня бы устроило приезжать и уезжать».

Транснациональные пространства и сети способствуют приезду трудовых иммигрантов в Азербайджан. Возможность жить в двух или трех мирах одновременно, кого-то заставляет мириться с неудобствами жизни в постсоветской стране. Кому-то представляется экзотикой или приключением, которого так не хватает в повседневности.

Заключение

Завершая анализ, необходимо задуматься о потенциальной возможности появления в Азербайджане интеграционной политики. Можно констатировать, что в настоящий момент нет никаких оснований думать, что власти страны заинтересованы в такой политике. Что важнее, нет оснований считать, что большинство иммигрантов испытывают необходимость в формировании государственной интеграционной политики. В настоящий момент можно только утверждать, что государство не нуждается в массовом притоке рабочих рук и, напротив, находит большую пользу в эмиграции сотен тысяч своих граждан. Наметилась тенденция в привлечении квалифицированных специалистов. Но не в долговременной интеграции таких специалистов в принимающее сообщество. Такие иммигранты расценивают свое присутствие в стране как временное, и численность их незначительна. Нет никаких оснований ожидать радикальных перемен в данной области. В конечном итоге, можно только утверждать, что любая попытка власти сформировать какую-либо интеграционную политику, почти наверняка, потерпит крах. Такая политика не сможет предоставить иммигранту интеграционные ресурсы сколько-нибудь сопоставимые с теми, которые он находит в устойчивых и разветвленных родственных, дружеских и земляческих сетях. Т. е. тот социальный капитал иммигранта, который необходим ему (и которым большинство обладает в той или иной степени) для интеграции в принимающее сообщество.

Библиография

- Abbasov Sh. (2011). Achievements and Missed Opportunities. In: South Caucasus: 20 Years of Independence, Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, pp.108-122.
- Anderson B. (1998). Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, London & New York: Verso.
- Azerbaijan Labor Migrant Survey Report (International Organization for Migration, IOM), 2008, Baku.
- Brubaker R. (1997), Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. In: T. K. Oommen, ed., *Citizenship and National Identity: From Colonialism to Globalism*, New Delhi: Sage Publication, pp. 85-120.
- Brubaker R. (2000). Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brubaker R. (2002). Ethnicity without groups. *Archive europeenne de sociologie*, XLIII (2), pp. 163-89.
- Brubaker R. (2003). The Return of Assimilation? Changing Perspectives on Immigration and Its Sequels in France, Germany, and the United States. In: Christian Joppke & Ewa Worawska eds., *Toward Assimilation and Citizenship: Immigrants in Liberal Nation States*, New York: Palgrave Macmillan, pp. 39-58.
- Crowley J. (1999). The Politics of Belonging: Some Theoretical Considerations. In: Andrew Geddes & Adrian Favell eds., *The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe*, Aldershot: Ashgate, pp. 15-41.
- Entzinger H. (2003). The Rise and Fall of Multiculturalism: The case of the Netherlands. In: Christian Joppke & Ewa Worawska eds., *Toward Assimilation and Citizenship: Immigrants in Liberal Nation States*, New York: Palgrave Macmillan, pp. 59-86.
- Faist Th. (2004). The Border-Crossing Expansion of Social Space: concepts, Questions and Topics. In: Th. Faist & E. Özveren eds., *Transnational Social Spaces: Agents, Networks and Institutions*. Burlington: Ashgate, pp. 1-36.
- Grant B. (2010). *Cosmopolitan Baku*. *Ethnos*, Vol. 75 (2), pp. 123-147.
- Heckmann F., Schnapper D., eds., (2003). *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence*. Stuttgart: Lucius & Lucius.
- Huseynova S. (2011). Ethnicity as Social Status and Stigma: Armenians in Post-Soviet Baku. In: Viktor Voronkov ed., *Changing Identities: Armenia, Azerbaijan, Georgia*, Tbilisi, pp. 41-69.
- Laitin D. (1998), *Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad*, Ithaca & London: Cornell University Press.
- Ottaway M. (2003). *Democracy Challenged: the Rise of Semi-Authoritarianism*. Washington D.C.: Carnegie Endowment International Peace.
- Ruble B. A., Hanley L. M. & Garland A. M. Introduction: Renegotiating the City. In: B. A. Ruble, L. M. Hanley & A. M. Garland eds., *Immigration and Integration in Urban Communities: Renegotiating the City*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, pp. 1-18.
- Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992). Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions. In: N. G. Schiller, L. Basch, C. Blanc-Szanton eds., *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York: The New York Academy of Sciences, pp. ix-xiv.

- Schiller N.G., Çağlar A. (2008). Beyond Methodological Ethnicity and Towards City Scale: an Alternative Approach to Local and Transnational Pathways of Migrant Incorporation. In: rethinking Transnationalism: The Meso-Link of Organizations. London: Routledge, pp. 40-61.
- Slezkine Y. (1996). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. In: E. Geoff & R.-G. Suny eds., *Becoming National. A Reader*. New-York and Oxford: Oxford University Press, pp. 202-238.
- Soysal Y. N. (1994). *Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Citizenship in Europe*. Chicago: The University of Chicago.
- Stefansson A. (2004). Homecomings to the Future: From Diasporic Mythographies to Social Projects of Return. In: Fran Markowitz & Anders Stefansson eds., *Homecomings: Unsettling Paths of Return*. New York: Lexington Books, pp. 2-20.
- Suny R. G. (2012). The Contradictions of Identity: Being Soviet and National in the USSR and After. In: M. Bassin & C. Kelly eds., *Soviet and Post-Soviet Identities*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 17-36.
- Migration in the Republic of Azerbaijan: A Country Profile. (2008). IOM, International Organization for Migration.
- World Bank Migration and Remittances Factbook. (2011). The World Bank, Washington.
- Бадалов Р. (2001). Баку: Город и Страна. В: Д. Фурман ред., *Азербайджан и Россия: Общества и Государства*. Москва: Летний Сад, с. 256-279.
- Бергер П. & Лукман Т. (1995). *Социальное Конструирование Реальности. Трактат по Социологии Знания*. Москва: «Медиум».
- Брубейкер Р. (2005). «Дiaspora катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами». *Диаспоры*, № 3, с. 44-70.
- Бурдые П. (2005). *Формы Капитала*. В: *Экономическая Социология*, Том 6, № 3, с. 60-74.
- Геллнер Э. (2002). *Пришествие национализма*. В: Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. ред., *Нации и национализм*. Москва: Праксис, с. 146-200.
- Гулиев З. (2011). *Азербайджан После Гейдара Алиева*. Москва: Регнум.
- Гусейнова С. (2009). Бакинские Евреи в Эмиграции: Формирование Локального сообщества. *Диаспоры*, № 2, Москва, 47-81.
- Малахов В. (2007). «Национальная Политика» как Феномен Политической Речи. В: Понаехали Тут... *Очерки о Национализме, Расизме и Культурном Плюрализме*. Москва: НЛЮ, с. 47-65.
- Малахов В. (2007). *Этничность в Большом Городе*. В: Понаехали Тут... *Очерки о Национализме, Расизме и Культурном Плюрализме*. Москва: НЛЮ, с. 161-175.
- Мусабеков Р. (2009). Становление Азербайджанского Государства и Этнические Меньшинства. *Азербайджан и Азербайджанцы в Мире*, № 2, 36-51.
- Нодия Г. (2003). Полиэтничность Грузии: Факт, Отношение к Нему и Политическая Стратегия. В: *Одно Общество, Много Этносов. Этническое Многообразие и Гражданская Интеграция в Грузии*. Тбилиси: SIPDD, с. 59-93
- Румянцев С. (2011). *Нациостроительство в Постсоветском Азербайджане: Идеология, Исследования, Дискурсы*, *Civilization Researchers*, № 8, с. 83-91.
- Сеидбейли М. (2009). *Азербайджанская Диаспора в России: особенности и Тенденции Формирования и Развития*. Баку: Элм.

- Тагиев Н., Исмаилов Ф., Джавадов О. (2007). *Республика Азербайджан. Отчет по Исследованию Общеэкономического Состояния Страны*. Баку, Министерство Экономического Развития и UNESCAP.
- Тишков В. (2003). *Реквием по Этносу: Исследования по Социально – Культурной Антропологии*. Москва: Наука.
- Хобсбаум Э. (1998). *Нации и Национализм После 1780 года*. Санкт-Петербург: Алетейя.